

Милана Седина
Юнона Стангард

Мой хоккеист.
**ТАЁЖНЫЙ
СНАЙПЕР**

Юнона Стангард

Мой хоккеист. Таёжный снайпер

«Автор»

«Автор»

2026

Стангард Ю.

Мой хоккеист. Таёжный снайпер / Ю. Стангард — «Автор»,
«Автор», 2026

Я приехала в Сибирь за правдой о гибели отца — хоккейного арбитра, который отказался продать решающий матч. Но первая же запись договорного сговора едва не стоила мне жизни. Из бетонного тупика меня вытащил Степан Ермаков — капитан «Енисейских Соколов», таёжный снайпер с железными руками и неожиданно бережным сердцем. Теперь я еду с его командой по зимним трассам, собираю доказательства и всё сильнее хочу остаться рядом с ним. Только моя правда может уничтожить клуб, ради которого Степан выходит на лёд. А человек, державший в страхе моего отца, уже взялся за нас. Как разоблачить врага, не погубив команду? И как не влюбиться в мужчину, который готов закрыть меня собой?

© Стангард Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тени под трибунами	6
Глава 2. Цена чистого льда	10
Глава 3. Запах чабреца и ночной рейс	14
Глава 4. Тепло под двадцать седьмым номером	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Милана Седина, Юнона Стангард

Мой хоккеист. Таёжный снайпер

Мой хоккеист. Таёжный снайпер
Милана Седина и Юнона Стангард

Глава 1. Тени под трибунами

Мороз в Кедровоске не просто обжигал — он звенел в воздухе сухой, колючей пылью. Минус двадцать восемь. Когда я сошла с подножки поезда на перрон, ледяной сибирский воздух вошел в бронхи жестким комком, от которого в груди встал тугой ледяной спазм. В Москве зима пахнет влажными реагентами и перегретым метро. Здесь она пахла чистым снегом, сырой тайгой и гарью угольных котельных.

Я плотнее запахнула пуховик, замотав шею отцовским шарфом крупной домашней вязки, и вцепилась в ручку тяжелого кофра с аппаратурой. В кармане грел пальцы старый металлический диктофон «Olympus» — память о Павле Соломине, лучшем арбитре Союза, чью гибель на таёжной трассе в ноябре девяносто восьмого в столичных кабинетах поспешили списать на «уснул за рулем».

«Тайга-Арена» выросла передо мной серой бетонной громадой брежневских времен. Фасад с потускневшими неоновыми буквами, высокие ребристые козырьки, пар, вырывающийся из вентиляционных решеток цоколя. До вечернего матча «Енисейских Соколов» против пермского «Молота» оставалось два часа.

На служебном входе дремал пожилой охранник в камуфляже. Я показала временное удостоверение спортивного обозревателя, проскользнула через турникет и сразу свернула влево — мимо парадной лестницы в пресс-центр. Официальные протоколы и вылизанные пресс-релизы мне были не нужны. Настоящая жизнь и скрытая грязь любой арены всегда прячутся внизу — в катакомбах цокольного этажа, где пахнет замерзшей резиной дорожек, влажной побелкой, соляной ледозаливочных комбайнов и застарелым потом тренировочной амуниции.

Спустившись по узким ступеням под сектор «Б», я шагнула в полутьму технического коридора. Под потолком гудела труба теплотрассы, висели пучки толстых кабелей, а редкие пыльные лампочки едва рассеивали сырой сумрак. Здесь было прохладно — не больше десяти градусов тепла. Я шла бесшумно, придерживая тяжелую сумку на плече, когда из ниши за вентиляционной шахтой до меня долетел глухой, прерывистый голос.

Кто-то говорил по телефону, нервно сбиваясь на яростный шепот.

Я замерла, вжавшись спиной в шершавый холод бетонной колонны. Вынула диктофон, выкрутила чувствительность направленного микрофона на максимум и осторожно выставила край прибора из-за угла.

В трех метрах от меня, у распахнутого щита электропроводки, метался широкоплечий парень в расстегнутом тренировочном костюме «Соколов». На его груди зеленел хищный профиль птицы. Вадим Лазарев. Второй снайпер команды, любимчик местной прессы. Его лицо блестело от испарины, пальцы с побелевшими костяшками стискивали тонкий корпус смартфона.

— Эдуард, я все понял с первого раза! — свистящим шепотом бросал он в трубку. — Не надо мне угрожать! Во втором периоде трижды обрежусь на чужой синей и сяду на две минуты за зацеп. Пермьки реализуют большинство, у них первая пятерка под это натаскана. Но ты подтверди транш! Чтобы к утру деньги легли на кипрский счет «Север-Стар», слышишь? Ни центом меньше!

Пауза. В тишине коридора мембрана телефона отчетливо донесла сухой, скрипучий, сытый голос с легким столичным акцентом — голос Эдуарда Шелеста, теневого хозяина половины спортивных контрактов за Уралом:

— Не суетись, Вадим. Сделай красиво, чтобы Батя Воронов ничего не просек. Старик слеп, как крот, он тебе в рот смотрит. Сдашь игру — получишь контракт в Москве и свои комиссионные. Дернешься — закопаю там же, в кедраче.

— Сдам, — выдохнул Лазарев, оглянувшись на темный проем. — Сдам, Шелест. Только бабки переведи.

Он ткнул пальцем в экран, сбрасывая вызов. Красный диод на моем диктофоне мерно пульсировал, впитывая каждую секунду этой грязи. Значит, слухи не врал. Шелест подминал сибирский хоккей под свои тотализаторы, ломая людей через колено, точно так же, как двадцать семь лет назад пытался сломать моего отца.

Лазарев резко развернулся на пятках, собираясь идти к раздевалкам, и в этот миг луч слабой аварийной лампы мазнул по хромированному ободку объектива моей фотокамеры, висевшей поверх пуховика.

Взгляд хоккеиста остекленел. На долю секунды мы замерли друг напротив друга.

— Ты... ты кто такая?! — хрипло выдавил он, делая шаг назад, а затем его глаза полезли на лоб, когда он увидел диктофон в моей руке. — Ты писала?! А ну стой, тварь!

Он рванул ко мне с неожиданной для тяжелого атлета резкостью. Я среагировала мгновенно: сбросила с плеча тяжелый кофр с ноутбуком, загораживая им узкий проход, развернулась и бросилась по коридору к аварийному выходу сектора «В».

Сзади грохнуло — Лазарев пнул кофр, выругался по-черному и тяжело припустил вдогонку. Грохот его кроссовок по рифленой резине отдавался в моих висках бешеным пульсом. Воздух в легких колот холодом. Я бежала изо всех сил, но физику обмануть было трудно: шаги за спиной приближались с пугающей скоростью. Двадцать метров сократились до семи.

— Стоять, сука! Убью! — рычал он, задыхаясь от ярости.

Впереди показалась тяжелая стальная дверь с надписью «Запасной выход». Если выскочу во внутренний двор — там люди, водители клубных автобусов, охрана. Я навалилась на полотно двери всем телом.

Удар отозвался глухим железным звоном. Дверь не шелохнулась.

Я в панике дернула ручку: поперек створок висела тяжелая якорная цепь с амбарным винтовым замком. Кто-то запер запасной выход — вопреки всем правилам. Бетонный тупик. Два метра шириной, глухие серые стены и сырой сквозняк из узкой щели над порогом.

Ловушка захлопнулась.

Я резко развернулась, пряча руку с зажатым диктофоном за спину, и выпрямилась. Ноги дрожали от бешеного спринта, но подбородок я задрала вверх. Страх был, липкий и холодный, но еще сильнее была глухая, упрямая отцовская гордость.

Лазарев влетел в тупик, загородив собой весь выход. Его широкие плечи вздымались, лицо перекосило от бешенства, капли пота стекали по небритым щекам.

— Ну что, добегалась, газетчица? — прохрипел он, надвигаясь на меня. — Сюда телефон и флешку. Быстро. Или я тебе здесь все пальцы переломаяю, а тушку твою по весне в Енисее рыбаки зацепят. Никто и искать не станет.

— Тронь меня, Лазарев, — мой голос прозвучал неожиданно твердо и ровно, хотя внутри все скрутило в узел. — И эта запись через облачный сервер уйдет в Следственный комитет. Статья сто восемьдесят четвертая — подкуп спортсменов, плюс покушение на убийство. Пойдешь по этапу в тайгу не в форме «Соколов», а в телогрейке с биркой на груди.

— Ах ты дрянь... — взвыл он и выбросил вперед руку, целясь мне в горло.

Я уклонилась, выставив локоть, но он был слишком силен. Лазарев сгреб ворот моего пуховика, второй рукой вцепившись в мое правое запястье. Его пальцы сомкнулись как стальные тиски, выламывая сустав. Боль прошла руку до самого плеча.

— Отдай, падаль! — рявкнул он, выворачивая мне кисть.

Я стиснула зубы, не издав ни звука, и изо всей силы впечатала каблук зимнего сапога в подъем его стопы. Лазарев взвыл от неожиданной боли, его пальцы на миг ослабли, но этого хватило: диктофон выскользнул из моей онемевшей ладони и с жестяным стуком ударился о бетонный пол у наших ног.

Лазарев занес тяжелый кроссовок, намереваясь в лепешку раздавить маленький серебристый прибор.

— Нет! — крикнула я, дернувшись вперед, чтобы накрыть диктофон собой.

Но в этот миг пространство за спиной нападающего словно сгустилось. Тяжелая серая тень перечеркнула желтый свет лампы, и железный, нечеловечески спокойный голос разрезал сырой воздух катакомб:

— Ногу убрал, Вадим. Быстро.

* * *

Лазарев замер, так и не опустив ногу. Широкая ладонь в темно-синей шерстяной перчатке легла ему на плечо с такой силой, что ткань спортивной куртки натянулась с треском.

Нападающего буквально сдуло с меня назад. Он попытался огрызнуться, дернув плечом:

— Ермак, пусти! Не лезь, слышишь! Это московская сука, она на Шелеста роет под нас!

Я прижалась к ледяному бетону, растирая ноющее запястье, и подняла глаза.

Перед Лазаревым стоял человек-гора. Рост под два метра, мощнейший костяк, плечи, перекрывающие весь дверной проем. На нем был зеленый игровой свитер «Енисейских Соколов» с яростной птицей на груди и белым номером двадцать семь на рукавах. Нагрудник и щитки делали его фигуру монументальной, но двигался он с пугающей, кошачьей бесшумностью. Лицо его — с резкими, словно вырубленными таёжным топором скулами, прямым носом со старым шрамом на переносице и тяжелым, тяжелым подбородком — дышало такой ледяной яростью, что Лазарев мгновенно поперхнулся собственным криком.

Степан Ермаков. Капитан, таёжный снайпер, легенда лиги.

Степан не стал спорить. Он сделал короткое, неувлимо быстрое движение корпусом: перехватил локоть Лазарева, развернул его вокруг оси и с глухим звуком впечатал нападающего лопатками в стену. Предплечье Ермакова легло Лазареву под подбородок, перекрывая дыхание. Ноги Вадима оторвались от пола на добрых пять сантиметров, он захрипел, судорожно хватаясь руками за могучую руку капитана.

И в этот же момент Степан, даже не взглянув вниз, носком правого ботинка поддел лежащий на полу диктофон. Тонкое, ювелирное хоккейное движение — металлический брусок взлетел в воздух на полметра, перевернулся и лег точно в раскрытую ладонь Ермакова. Корпус выдержал падение. Красный диод записи продолжал невозмутимо гореть.

Сердце моё замерло от изумления. В этом великане не было ни грамма неуклюжести — только абсолютный, совершенный контроль над телом и пространством.

— Еще раз увижу, что ты поднимаешь руку на женщину, Вадим, — произнес Степан негромко, но от вибрации его баса, казалось, мелко задрожали трубы под потолком, — я лично переломлю тебе обе ключицы на раскатке. А про Шелеста и слив мы с тобой поговорим после игры. Пошел в раздевалку. Батя на льду ждет.

Ермаков разжал пальцы. Лазарев рухнул на пол, закашлялся, держась за горло, и поднял на капитана взгляд, полный ядовитой, бессильной ненависти. Потом мазнул глазами по мне, злобно сплюнул под ноги и, пошатываясь, почти побежал по коридору прочь.

Тишина опустилась на бетонный тупик. Только гудела вытяжка да слышался глухой шум далеких трибун.

Степан повернулся ко мне. Его глаза оказались не темными, как казалось издали, а поразительного цвета горного хрусталя — прозрачно-серые, стальные, невероятно внимательные и глубокие. Он окинул меня быстрым взглядом: оценил порванный край воротника, покрасневшее запястье, сбившееся дыхание. В его взгляде не было столичной снисходительности или мужской сальности. Там была суровая, спокойная мужская забота.

Он медленно опустился на одно колено прямо на грязный резиновый настил, чтобы наши лица оказались на одном уровне. Протянул диктофон на широкой ладони. Его пальцы были длинными, мозолистыми, с въевшимися следами хоккейного воска и старых ссадин.

— Цел твой аппарат, — сказал он ровно. — Держи. Ты кто такая? Впервые тебя в Кед-ровоске вижу.

Я протянула руку за диктофоном. Кончики моих пальцев на секунду коснулись его кожи — горячей, шершавой и сухой. Внутри словно лопнула невидимая пружина, отпуская напряжение последних безумных минут.

— Арина, — выдохнула я, чувствуя, как предательски дрожит голос, но тут же взяла себя в руки. — Арина Соломина. Спортивный журналист.

Его широкие брови едва заметно дрогнули. Он взгляделся в мои черты пристальнее, и на мгновение в его глазах промелькнуло что-то похожее на узнавание:

— Соломина? Дочь Павла Соломина? Того самого судьи всесоюзной категории?

— Да, — твердо ответила я, глядя ему прямо в зрачки. — Того самого.

Степан медленно поднялся во весь свой исполинский рост и жестом показал на выход из тупика:

— Пойдем отсюда. Здесь сквозняк, простудишься.

Глава 2. Цена чистого льда

Мы пошли по коридору к центральной лестнице. По дороге Степан поднял мой брошенный кофр с ноутбуком и повесил его на плечо так легко, словно это была пустая папка. С каждым шагом гул арены нарастал, наполняя пространство густым предматчевым ревом.

— Степан, — тихо сказала я, придерживая ушибленную руку. — На этой записи — сговор. Лазарев берет деньги у Эдуарда Шелеста за слив второго периода сегодняшнего матча. Он будет намеренно обрезать на чужой синей линии и удаляться. Шелест ставит миллионы против «Соколов».

Ермаков шел, не сбавляя шага, но я видела, как под тонкой шерстью свитера натянулись канаты трапециевидных мышц, а челюсти сжались так, что на скулах заходили желваки.

— Я знаю, что Шелест кружит вокруг команды, — глухо отозвался он. — Он давно хочет обанкротить клуб и за копейки перекупить арену под торговые склады. Но Батя... Воронов верит в парней до последнего. Для него команда — единственное, что осталось в жизни. Арина, если ты выложишь эту запись сейчас, до сирены, Федерация снимет «Соколов» с турнира прямо посреди сезона. Нас просто дисквалифицируют за договорняк. Клубу конец.

— Я приехала сюда не для того, чтобы добивать сибирский хоккей, Степан, — перебила я его. — Мой отец отдал за этот лед жизнь. Я хочу одного: чтобы виновные ответили по закону. Но я не трону команду, пока вы бьетесь.

Степан остановился на верхней площадке лестницы, повернулся ко мне и протянул руку. Открытая, честная мужская ладонь.

— Спасибо, Арина. Дай нам сыграть. А с Лазаревым я разберусь сам. Скажу Бате, чтобы больше не выпускал его во втором периоде. Запись сохрани отдельно — она нам еще понадобится.

Я вложила свои пальцы в его ладонь. Рукопожатие вышло коротким, но удивительно крепким и теплым. Между нами словно протянулась невидимая стальная нить — без лишних слов, без пафосных клятв. Союз двух людей, знающих цену правде.

— Иди к скамейке, — сказал он, кивнув на выход к коробке. — Я скажу коменданту, чтобы тебя не трогали. Смотри игру.

* * *

Грохот «Тайга-Арены» обрушился на меня плотной стеной звука. Три с половиной тысячи зрителей в ушанках, вязаных шапках с помпонами и брезентовых куртках ревели, били в жестяные барабаны и дудели в клаксоны. Воздух над ледовым овалом клубился белесым паром, пахло свежесрезанной ледяной крошкой и разогретым машинным маслом.

Я встала у защитного стекла прямо за спиной главного тренера «Соколов» — легендарного Глеба Ивановича Воронова, которого за глаза и в глаза все звали Батей. Седой, плотный, в старом выцветшем олимпийском пуховике с гербом СССР, он стоял на тренерском мостике, вцепившись узловатыми пальцами в борт, и неотрывно следил за раскаткой.

Мой профессиональный взгляд спортивного физиолога и реабилитолога сразу выпенил Ермакова на льду. Он наворачивал скоростные виражи, взрезая лед лезвиями с сухим металлическим хрустом. Мощь, баланс, потрясающее скольжение. Но при выходе из правого виража и подготовке к броску с кистей он на долю секунды прижимал локоть к телу, щадя правое плечо. Микронадрыв надостной мышцы или старое повреждение связок акромиона. Он играл через боль, скрывая ее даже от тренерского штаба.

Первый период прошел на пределе сил. Пермский «Молот» играл грязно, на грани фола, постоянно цепляя сибиряков черенками клюшек в спину. Но Степан держал центр площадки железно: выигрывал вбрасывания, намертво блокировал броски соперника своим телом. Сирена зафиксировала нули на табло.

А во втором периоде началось то, о чем предупреждала запись.

На двадцать восьмой минуте «Соколы» пошли в позиционную атаку. Степан из-за ворот выкатил изумительную, мягкую диагональ на синюю линию прямо на крюк накатывающему Лазареву. Бросай в касание — перед вратарем трафик, чистый гол!

Вместо броска Лазарев неловко запнулся, качнулся назад и словно случайно упустил шайбу под коньком.

Обрезка. Пермьки перехватили снаряд, двое нападающих вывалились на одного нашего защитника. Секунда — щелчок под перекладину, сетка колыхнулась.

Ноль — один.

Трибуны охнули. Батя Воронов швырнул планшетку на пол скамейки, грязно выругавшись. Я навела зум камеры на лицо Лазарева, катившего на смену: на его губах мелькнула едва уловимая, сытая усмешка. Он отработал свои тридцать сребреников.

Степан понял все без слов. На следующую смену он вышел с пылающими глазами. Лазарева Батя усадил на дальний край скамейки и больше не выпускал: капитан предупредил его еще до игры, но старик до последнего не хотел верить в предательство и дал Вадиму шанс. Степан полетел вперед, как разъяренный медведь, проламывая оборону гостей силой одного лишь характера. Он вошел в зону, финтом убрал первого защитника, заложил корпус для броска...

И тут наперерез ему вылетел тафгай «Молота» Громов. Сто килограммов живого веса на полном ходу. Грязный, подлый прием — плечом в незащищенное сочленение ключицы, с доворотом корпуса.

Раздался глухой, страшный удар о борт. Степан вылетел на лед, прокатился несколько метров и замер, свернувшись калачиком. Защитное стекло передо мной зазвенело от вибрации.

Арена замерла в гробовой тишине.

Я не помню, как перемахнула через низкий бортик служебной зоны. Степан с трудом поднялся на колени. Его правая рука неестественно, мертво повисла вдоль туловища, плечо опустилось, а лицо посерело от адской, нечеловеческой боли. Он хрипел сквозь сжатые зубы, пытаясь опереться на клюшку левой рукой.

— Смену! Врача на лед! — сорванным голосом закричал Батя Воронов.

Двое игроков подхватили капитана под мышки и поволокли со льда в подтрибунный тоннель. Я бросилась следом, на ходу срывая через плечо сумку с моей походной физиотерапевтической аптечкой.

В маленьком кафельном медкабинете царил хаос. Степана усадили на узкую кушетку, стянули через голову окровавленный на вороте свитер и защитный панцирь. Мощный торс хоккеиста был покрыт старыми синяками и ссадинами, но правый плечевой сустав выглядел пугающе: акромиальный конец ключицы выпирал под кожей острым бугром, окружающие мышцы свело в каменный спазм.

Пожилый клубный врач Синицын суетливо звенел ампулами, его руки мелко дрожали:

— Связки порваны! Острый вывих! Я сейчас новокаин вгоню, три куба блокады, и вызываем скорую в областную травму! Матч для него окончен, сезон тоже!

— Стойте! — я решительно шагнула вперед, отстраняя врача плечом. — Дайте мне взглянуть на плечо!

— Да ты кто такая вообще?! — взвизгнул Синицын. — Вон отсюда, девка! Не видишь — человек калекой остается!

— Я врач спортивной медицины и сертифицированный физиолог Института медико-биологических проблем, — отчеканила я, сбрасывая пуховик прямо на пол. Мой голос звучал как сталь. — Похоже на подвывих, но без обследования я не стану утверждать, что связки целы. Дайте мне помочь ему, а снимки после матча обязательны!

Я повернулась к Степану. Он сидел, тяжело уронив голову, по вискам катился градом холодный пот, челюсти сжаты до белизны. Он поднял на меня помутневший от боли взгляд.

— Веришь мне? — тихо спросила я, опускаясь перед ним на колени.

Он посмотрел мне в глаза. В этой бездне серой стали билась отчаянная, звериная жажда бороться до конца. Он едва заметно кивнул:

— Верю. Делай. Только не сажай на лавку.

Я старалась действовать спокойно, хотя под ребрами у самой бился страх. Синицын остался рядом: от его настороженного взгляда не укрылось ни одно мое движение.

Я положила теплые ладони ему на шею и надплечье. Мышцы были твердыми, как танковая броня.

— Степан, закрой глаза. Слушай только мой голос. Медленный вдох носом... выдох ртом. Еще раз. Отпусти диафрагму. Боль — это просто сигнал. Она под контролем.

Я начала мягкую постизометрическую релаксацию: подушечками больших пальцев плавно нажала на триггерные точки у основания лопатки, снимая судорожный зажим ромбовидных мышц. Степан шумно, хрипло выдохнул. Его тело дрогнуло, подчиняясь моим движениям. Мышцы начали медленно, неохотно поддаваться.

Я осторожно поддержала его руку. Степан судорожно выдохнул; я не отводила глаз от его лица.

Раздался глухой, мягкий щелчок. Без хруста, без излома.

Положение плеча изменилось, но это еще ничего не говорило о тяжести повреждения.

Степан резко втянул воздух сквозь зубы, его плечи распрямились, а лицо из пепельного снова стало живым. Острая вспышка боли сменилась глубоким мышечным теплом.

— Встал... — прошептал Синицын, ошеломленно глядя на мои руки.

— Теперь фиксация, быстро! — скомандовала я, не теряя ни секунды.

Я достала из сумки баночку с отцовской мазью — густой, пахнувшей смолистой пихтовой живицей, пчелиным воском и камфорой. Быстрыми, сильными круговыми движениями я втерла мазь в кожу вокруг плеча, а затем достала рулоны жесткого спортивного тейпа.

Крестообразный якорный замок на дельтовидную мышцу, три поддерживающие полосы через ключицу на спину с натяжением семьдесят процентов, сверху — эластичный неопреновый суппорт, стянутый вокруг груди широкими липучками. Фиксация ограничивала движение, но не отменяла травму и не обещала защиты от нового удара.

Степан осторожно поднял правую руку перед собой. Покрутил кистью, сжал кулак.

— Держит, — в его голосе прозвучало искреннее мальчишеское изумление. Он посмотрел на меня, и в глубине его глаз я увидела то, от чего по телу пробежала горячая волна. Это было не просто уважение — это было безоговорочное, глубокое преклонение сильного мужчины перед силой женщины. — Как железная шина держит. Боль тише стала.

— Амплитуда ограничена, бросать щелчком нельзя, только кистевой бросок за счет предплечья, — строго предупредила я, вытирая руки салфеткой. — И никаких силовых приемов на этот борт. Понял меня?

— Понял, доктор Соломина, — на его суровых губах впервые за весь вечер появилась слабая, теплая улыбка. — Я твой должник на всю жизнь.

Синицын снова осмотрел его, мрачно велел прекращать игру при усилении боли. Степан натянул через голову панцирь, надел свитер с двадцать седьмым номером, подхватил клюшку и шагнул к выходу. Я проводила его взглядом, уже зная: после sireны он поедет на обследование, как бы ни спорил. За дверью уже звучала sireна, призывая команды на третий период.

Что творилось в третьем периоде, арена не забудет никогда. Степан вышел на лед, и трибуны буквально взорвались ревом. Он играл умнее, хитрее, не вступая в ненужную рубку, но дирижируя атаками с ювелирной точностью. На пятьдесят четвертой минуте он подкараулил отскок на пяточке и коротким, хлестким кистевым броском вколотил шайбу под перекладину, сравняв счет! А за две минуты до конца, когда пермяки ринулись вырывать победу, он вытянул

на себя двоих защитников и филигранной скрытой передачей вывел на пустые ворота молодого крайка Саню Морозова.

Два — один! Победа!

Финальная сирена утонула в восторженном грохоте кедровских болельщиков.

Глава 3. Запах чабреца и ночной рейс

После матча мы со Степаном съездили на обследование и вернулись к арене. Плечо по-прежнему болело; впереди были повторный осмотр и решение о допуске к следующей игре. Когда ледовый дворец наконец опустел, а гул трибун сменился глухой ночной тишиной, меня перехватили в судейском коридоре.

Ко мне подошел Батя Воронов. Без шапки, с растрепанными седыми волосами, он тяжело опирался ладонью о стену. Его густые брови были нахмурены, но под ними светились добрые, усталые глаза старого солдата от спорта.

— Ты чья будешь, девочка? — спросил он хриплым, прокуренным голосом. — Синицын мне все уши прожужжал. Говорит, столичная девка Ермаку плечо собрала за пять минут до выхода, да так, что он победную вколотил.

— Я Арина Соломина, Глеб Иванович, — ответила я, глядя ему прямо в глаза.

Старик замер. Лицо его дрогнуло, морщины у глаз стали глубже, и он медленно снял перчатку, проведя ладонью по лицу:

— Пашки Соломина дочка... Боже ты мой. А я гляжу на льду — повадка знакомая. Такая же упрямая складка меж бровей. Зайди ко мне в тренерскую, Арина. Есть разговор.

Тренерская комната пахла историей: крепким чаем с сушеным чабрецом, дегтярной мазью для коньков, старой кожей и табаком. На стенах висели пожелтевшие командные фотографии семидесятых годов, вымпелы с союзными гербами и тактическая доска, густо исчерканная стрелками маркеров.

Батя молча налил мне в граненый стакан в тяжелом мельхиоровом подстаканнике крутой кипяток, бросив туда щепотку сухих таёжных трав, и подошел к тяжелому несгораемому сейфу в углу. Покрутил диск замка, потянул массивную дверцу.

Из недр сейфа он извлек тяжелую картонную коробку, на которой было выведено синей тушью: «СЕЗОН 1998. АРХИВ».

— Я ждал, что кто-то приедет, — глухо заговорил Воронов, не оборачиваясь. — Знал, что Пашкина кровь не даст этому делу сгнить. В тот ноябрь твой отец судил наш решающий матч с «Молотом». Шелест тогда впервые зашел в Сибирь. Он привез чемодан денег, положил твоему отцу на стол в судейской: сдай «Соколов», свисти в одну калитку. Пашка спустил его с лестницы. Прямо здесь, под трибунами.

Батя достал из коробки черную видеокассету формата VHS. На белом бумажном корешке был наклеен стикер, исписанный знакомым мне до слез, размашистым почерком отца:

«11.11.1998. Финал. Алексей Ермаков — номер 27. Снайпер от Бога. Руки чистые, характер таёжный. Шелесту сломать парня не дам. П. Соломин».

В горле встал тугой горячий комок. Слеза обожгла щеку, но я быстро смахнула ее пальцем.

— Отец защищал отца Степана? — прошептала я.

— Защищал, — Батя тяжело опустился в кресло. — Шелест хотел загнать Алексея Ермакова, нашего лучшего форварда под двадцать седьмым номером, в кабалу на десять лет, сделать из него ручного гладиатора. Пашка встал стеной. Он добился разбирательства в лиге и расторжения бандитского контракта. Через три часа после матча машина твоего отца улетела с обрыва на перевале. Тормозные шланги были надрезаны, Арина. Я знаю это. Но доказать ничего не смог — милицию тогда Шелест купил на корню. А Алексей позже погиб на таёжном лесоповале... И Степан, его сын, взял отцовский номер и отцовский таёжный бросок.

Дверь тренерской распахнулась без стука. На пороге стоял запыхавшийся секретарь клуба, держа в руках белую ленту факса:

— Глеб Иванович! Срочная бумага из дисциплинарного комитета Лиги! За подписью Шелеста! Требуют немедленно аннулировать аккредитацию московской журналистки Соломиной и вывести ее с территории арены под конвоем за «нарушение режима раздевалок»!

Я жала пальцы на теплом стекле стакана. Шелест уже получил доклад от Лазарева. Он спешил захлопнуть передо мной все двери.

Батя Воронов медленно поднялся. Подошел к секретарю, молча забрал лист факса, разорвал его пополам, потом еще раз пополам и швырнул обрывки в мусорную корзину.

— Передай Шелесту, пусть подотрется своими предписаниями, — спокойно бросил старик. Затем повернулся к столу, достал чистый бланк с круглой гербовой печатью клуба и размашисто написал три строки.

— Вот, — он протянул мне бумагу с еще сырыми чернилами. — Приказ по клубу. С сегодняшнего вечера Арина Соломина назначена старшим врачом-физиологом и аналитиком ХК «Енисейские Соколы». На все выездные матчи. Под мою личную ответственность.

— Глеб Иванович... — горячая волна благодарности обожгла мне грудь от этого царского, безрассудного жеста доверия.

— Не благодари, дочка. Через двое суток играем в Ангарске. Команда грузится в автобус через двадцать минут. Едешь с нами. Тайга покажет, кто чего стоит. Собирайся.

* * *

Служебное крыльцо арены встретило меня обжигающей метелью. Ветер швырял в лицо колючую снежную крупу, фонари покачивались на растяжках, выхватывая из темноты пляшущие белые вихри.

У заснеженного пандуса мерно тарахтел на холостых оборотах старый клубный «Икар-250» — красно-белый железный мамонт с наглухо замерзшими, покрытыми морозными узорами стеклами. Выхлопная труба окутывала задний бампер клубами сизого дизельного дыма.

Я шагнула на обледенелый спуск, неся тяжелую сумку и кофр с отцовской кассетой. Нога в сапоге внезапно поехала по накатанному льду, баланс был потерян, я неловко взмахнула руками, готовясь к падению на мерзлые камни.

Чьи-то сильные, надежные руки подхватили меня под локти в полуметре от земли.

— Держу, — негромко произнес Степан.

Он стоял на ветру в расстегнутой пуховой парке с клубным шевроном, без шапки, морозный пар клубился вокруг его коротко стриженных темных волос. Он легко, как пушинку, вернул меня в вертикальное положение, забрал из моих рук тяжелый кофр и дорожную сумку.

— Осторожнее, Соломина. Сибирь не прощает спешки. Здесь надо наступать на всю стопу.

— Я справлюсь, Ермаков, — ответила я, пряча замерзший нос в отцовский шарф, но от его близости, от запаха чистого таёжного снега, шерсти и пихтовой смолы сердце забилося чаще.

— Пойдем в тепло.

Мы поднялись по узким ступеням в салон автобуса. Внутри было душно и накурено: работала печка, пахло соляной, горячим чаем из термосов, сушеными сухарями и мокрой хоккейной формой. На сиденьях дремали или негромко переговаривались двадцать рослых, усталых мужиков.

В глубине салона, на предпоследнем ряду, сидел Лазарев. Батя оставил его под своим присмотром: исключить из заявки успеет, а выпускать предателя к Шелесту раньше времени не хотел. Он натянул капюшон на самые глаза, уставившись в темное окно, и даже не шелохнулся при нашем появлении.

Степан прошел по узкому проходу на четвертый ряд, закинул мои вещи на сетчатую багажную полку и обернулся к команде:

— Мужики, минута внимания.

Салон мгновенно затих. Даже молодые игроки перестали шуршать обертками от шоколадок.

— Это Арина Соломина. Наш новый врач и тактический аналитик. Официально по приказу Бати. Кто откроет рот не по делу или позволит себе лишнее — выйдет из автобуса на ходу и пойдет по шпалам пешком до самого Красноярска. Всем всё понятно?

— Понятно, кэп, — весело отозвался с переднего сиденья могучий вихрастый защитник Коршунов. — Добро пожаловать, Арина! Чаю брусничного хотите?

— Спасибо, Коршунов, позже, — улыбнулась я, чувствуя, как глухое напряжение последних часов окончательно отпускает. Команда приняла меня. Степан поставил жирную точку.

Я опустилась на потертое дерматиновое кресло у окна. Степан сел через проход напротив. Его широкие плечи едва помещались в сиденье, но он устроился удобно, вытянув длинные ноги в проход.

Двери автобуса со свистом захлопнулись. Старый дизель натужно взревел, и «Икарус», покачиваясь на рессорах, медленно выполз со стоянки арены на темную загородную трассу.

За окном потянулись вековые кедры и лиственницы, укутанные тяжелыми снежными шапками. Огни Кедровоска быстро растаяли во тьме, уступая место бескрайней, безмолвной, дикой сибирской ночи. Впереди был глухой горный перевал, пятьсот километров заснеженного тракта и неизвестность.

Я коснулась кофра на багажной полке: внутри, завернутая в запасное полотенце, лежала видеокассета с его надписью.

Степан повернул голову и посмотрел на меня. В полумраке салона его серые глаза казались спокойными и теплыми. Он не сказал ни слова, но в этом немом взгляде сквозь проход автобуса читалось обещание: что бы ни ждало нас впереди, на этой ледяной трассе я больше никогда не останусь одна.

Глава 4. Тепло под двадцать седьмым номером

Ночной «Икарус» шел сквозь таёжный перевал тяжело, натужно завывая мостом на обледенелых подъемах. За стеклом не было видно ни зги — сплошная, слепящая в свете фар круговерть сухой сибирской метели. Снег хлестал по металлической обшивке автобуса с сухим шелестом речного песка. За бортом мороз стремительно проваливался в ледяную пропасть: термометр у кабины водителя застыл на отметке минус тридцать четыре.

Я сидела на четвертом ряду у правого борта, спрятав озябшие пальцы в рукава пуховика и натянув отцовский шарф до самых глаз. Стекло рядом со мной покрылось толстым, в палец толщиной, панцирем матового узорчатого льда. От него веяло чистым, первобытным холодом, пробиравшим через пух и подкладку.

Вдруг внизу, под сиденьями, что-то глухо лязгнуло. Правый калорифер отопления салона с шипением выбросил облачко влажного белесого пара, затих и перестал гудеть. Из круглых решеток под ногами потянуло ледяным сквозняком.

Водитель, дядя Гриша, смачно выругался в полутьму кабины, трижды стукнул кулаком по жестяному кожуху приборной панели, но печка умерла окончательно. Салон начал остывать на глазах. Дыхание парней впереди стало вырываться густыми, клубящимися облаками. Я попыталась пошевелить пальцами в сапогах — стопы уже начинало ломить тупой, ноющей стужей. Зубы застучали сами собой, и я крепче стиснула челюсти, чтобы не выдать дрожи. Показать слабость перед уставшей командой казалось мне недопустимым.

Скрипнуло сиденье через проход.

Высокая, мощная фигура Степана Ермакова поднялась во весь рост. В полумраке салона его плечи казались еще шире. Он сделал один бесшумный шаг, шагнул через узкий проход и решительно опустился на дерматиновое кресло рядом со мной, мягко оттеснив меня к окну своим горячим плечом.

— Подвинься, Соломина, — негромко сказал он.

Прежде чем я успела открыть рот, Степан расстегнул молнию своей тяжелой пуховой капитанской парки — темно-зеленой, клубной, из плотной непродуваемой ткани, со светящейся в темноте вышивкой «27. ЕРМАКОВ» на широкой спине. Одним скупым, удивительно ловким движением он снял ее и целиком, словно тяжелым ватным одеялом, накрыл меня от плеч до самых колен.

— Степан... — выдохнула я, глядя, как он остался в одном шерстяном тренировочном свитере поверх эластичного банджа. — Ты что делаешь? Ты же плечо застудишь! Сустав после вправления нельзя переохлаждать!

— Сиди смирно, доктор, — в его низком голосе послышалась едва уловимая усмешка. Он сам подоткнул край парки мне под ноги, отсекая ледяной сквозняк от пола. — Я в этой тайге вырос. Моя шкура тридцать четыре градуса держит играючи. А у тебя губы синие. Грейся давай.

Куртка хранила глубокое, сухое, живое тепло его тела. Она пахла свежим сосновым лапником, чистым снегом, оружейным маслом и лавандовым мылом. Этот густой мужской жар мгновенно окружил меня коконом, и ледяная дрожь, колотившая ребра последние полчаса, начала медленно, толчками отступать.

Степан нагнулся к своему рюкзаку, стоящему в ногах, и вытащил тяжелый термос из матовой нержавеющей стали. Открутил крышку-кружку, наполнил ее до краев темно-рубиновым, густо дымящимся настоем и вложил в мои ладони.

— Пей. Мелкими глотками. Дед Матвей сам варил перед моим выездом. Брусника, сушеный кедровый корень, зверобой и мед диких пчел. Вся стылость из жил выгонит.

Пар щекотал ноздри ароматом лесных ягод и горьковатой смолы. Я сделала первый глоток. Обжигающая, кисло-сладкая пряность прокатилась по языку, огненной волной ударила в горло и разлилась по груди, возвращая онемевшим пальцам чувствительность. Я выпила все до капли, чувствуя, как отступает глухой озноб.

— Спасибо, — тихо сказала я, возвращая пустую кружку. Пальцы Степана коснулись моих — его ладонь была горячее, сухой и твердой, как дубовая доска. — Удивительный настой. В Москве такого не сыщешь.

— В Москве много чего нет, — Степан закрутил термос и убрал его обратно. Он откинулся на спинку кресла, вытянув длинные ноги в проход. — Там суеты много, а толку мало.

Мы сидели плечом к плечу. Свет в салоне погас, горели только зеленые огоньки на панели водителя. Большинство парней уже спали, привалившись к замерзшим стеклам.

— Степан, — нарушила я тишину, глядя на его строгий профиль, освещенный слабым изумрудным отблеском приборов. — В клубном досье я читала, что три года назад тебя звали в столичные клубы. На огромный контракт, в первую пятерку. Почему ты не поехал?

Ермаков помолчал. Его взгляд упирался в кружащую за окном метель.

— Звали, — ответил он негромко. — Шелест лично приезжал. Контракт привозил на глянцевой бумаге. «Север-Стар» его контора называется. Сулил квартиру на Новом Арбате, деньги в валюте. А внизу, мелким шрифтом на десятой странице — обязательство ложиться под шайбу только по его звонку и сдавать игры, когда тотализатор требует. Он думал, я сибирский дурачок, денег отродясь не видевший, на блесну клюну.

— И что ты сделал?

— Порвал бумаги и бросил ему под ноги. Дед Матвей меня с малых лет учил: на чужом горбу в рай не въедешь, а честь смолоду берегут. Мой дед пятьдесят лет в тайге егерем отслужил, ни одного браконьера за взятку мимо кордона не пропустил. Как бы я ему в глаза посмотрел, если бы за московские рубли совесть продал? Мой дом здесь. «Соколы» — это не просто команда. Для Кедровоска это последняя гордость осталась.

Я слушала его ровный, глубокий голос, и внутри у меня звенела та же самая струна. Мой отец думал точно так же. За эту же нестигаемую верность двадцать семь лет назад его тормозные шланги перерезали на таёжном тракте.

Автобус дернулся на крутом вираже серпантина, колесо поймало ледяную гребенку. Меня качнуло влево, и я непроизвольно уткнулась щекой в грудь Степана.

Он не отодвинулся. Напротив — здоровая левая рука легла мне на плечо, бережно прижимая к себе и фиксируя на месте.

— Спи, Арина, — прошептал он у самого моего уха. Его теплое дыхание коснулось моих волос. — Дорогу я держу. До заимки еще добрых два часа.

Я закрыла глаза. Сквозь толстый шерстяной свитер до меня доносился мерный, тяжелый, несокрушимый стук его сердца: *тук-тук, тук-тук*. В этом ритме было столько первобытного покоя и несокрушимой мужской надежности, что все тревоги последних недель — угрозы Лазарева, фальшивые столичные интриги, память об отцовской гибели — растворились в теплой темноте.

Впервые за долгие месяцы я провалилась в глубокий, целительный сон, не боясь проснуться.

* * *

Когда я открыла глаза, салон «Икаруса» заливало чистым, пронзительно-розовым рассветным светом. За окном тайга стояла неподвижно, укутанная пушистым инеем. Ветер стих.

Автобус замер на обочине у резного деревянного указателя: «СЕВЕРНЫЙ КЛЮЧ».

Я обнаружила, что все еще лежу головой на плече Степана, а его тяжелая ладонь бережно удерживает край парки на моих плечах. Он не спал. Его серые глаза смотрели на меня с мягким, чуть насмешливым прищуром.

— Доброе утро, доктор Соломина, — негромко произнес он. — Выспалась?

— Доброе утро, — щеки мои вспыхнули румянцем, но я заставила себя не отводить взгляда. — Приехали?

— Мы приехали. Вон за кедрами дедова заимка. Парни едут дальше в Ангарск на базу перед полуфиналом, а мы высаживаемся здесь. Нам с тобой нужно сорок восемь часов, чтобы снять зажим и проверить плечо перед игрой.

Батя Воронов с первого ряда обернулся, махнув мозолистой рукой:

— Ермак, девку не заморозь! Соломина, головой за него отвечаешь! Через двое суток чтоб оба были на раскатке в Ангарске!

Мы спустились по обледенелым ступенькам на хрустящий, скрипящий под сапогами снег. Воздух обжег ноздри звенящей чистотой — ни выхлопов, ни дыма, только морозная смола и хвоя. Степан нес на плече оба наших кофра, словно они были набиты пухом.

Усадьба Ермаковых стояла на высоком берегу реки, окруженная вековыми лиственницами. Мощный пятистенный сруб из мореного кругляка, высокие бревенчатые ворота, дым из кирпичной трубы, поднимающийся в розовое небо ровной свечой.

Едва мы толкнули калитку, как из конуры у крыльца с глухим басовитым лаем вылетел огромный пес — серо-белая сибирская лайка с туго закрученным хвостом и мощной грудью.

— Буран, свои! — скомандовал Степан.

Пес затормозил всеми четырьмя лапами, подняв фонтан снежной пыли, подошел ко мне, настороженно поводя черным носом. Я присела на корточки, протянув тыльную сторону ладони. Буран замер, внимательно заглянул мне в глаза своими умными янтарными зрачками, шумно выдохнул морозный пар и вдруг положил свою тяжелую лобастую голову мне на колени, тихо заскулив от удовольствия.

— Принял, — улыбнулся Степан, наблюдая, как я чешу пса за густым пушистым ухом.

— Буран чужих на версту не подпускает. Раз признал — значит, ты своя.

Дверь избы скрипнула, и на высокое крыльцо вышел хозяин.

Матвей Семенович Ермаков выглядел так, словно сошел со старинной гравюры: косая сажень в плечах, прямая спина, окладистая белая борода до середины груди и ясные, пронзительные серо-голубые глаза егеря, привыкшего читать таёжные следы. На нем был простой суконный жилет поверх холщовой рубахи.

— Здорово, внук, — прогудел старик, спускаясь по ступеням. Его рука легла Степану на затылок, крепко притянув к себе. Потом старик повернулся ко мне, смерив долгим, испытующим взглядом. — А это кто с тобой? Городская барышня из телевизора? На сколько минут ее на нашем морозе хватит?

— Здравствуйте, Матвей Семенович, — спокойно ответила я, выпрямляясь и глядя деду прямо в зрачки. — Я Арина Соломина. Дочь Павла. Приехала не гостить, а помочь Степану восстановиться. Перед Ангарском его еще раз осмотрят врачи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.